

От Плевако до Резника: известные речи адвокатов в суде

Защитник закончил свое выступление и в зале заседаний раздались аплодисменты. Это похоже на сцену из фильма, но эффектные судебные монологи встречаются не только в кино. Адвокатам и в жизни удавалось поразить присяжных заседателей и добиться победы для своего подзащитного. Большая часть известных речей относится ко второй половине XIX века, когда в результате судебной реформы суды стали по-настоящему независимыми от полицейского следствия. Но нашлась и пара дел из современности.

Речь Федора Плевако по делу Лукашевича

Речи легендарного адвоката Федора Плевако, который практиковал в XIX веке, считают образцом судебного красноречия и ораторского искусства. Зачастую его судебные монологи краткие и непринужденные, будто они не были тщательно подготовлены заранее. Известный юрист Анатолий Кони говорил, что Плевако – «человек, у которого ораторское искусство переходило во вдохновение». Плевако руководствовался не только логикой, но и уделял внимание психологическим факторам. Он вызывал к подсудимым чувство сочувствия и так добивался к ним снисхождения.

Многие судебные выступления Плевако вошли в сборники и публиковались. В том числе и речь по делу Лукашевича. 25 октября 1878 года в имени своего отца Николай Лукашевич застрелил мачеху Фанни Лукашевич. Его обвинили в умышленном убийстве, а защитник (Федор Плевако) настаивал на переквалификации убийства как совершенного в припадке умоисступления. Дело в том, что после появления мачехи отношения в семье разладились, происходили постоянные скандалы. Свою речь Плевако начал с того, что умышленное убийство – это самое страшное зло.

Но есть и другие виды убийства. Например, запальчивое (в порыве ярости) или когда у преступника не было цели именно убивать. Как отметил адвокат, законодатель должен был признать, что убийства совершаются в таком состоянии, «когда суду человеческому нет места, когда обвинению нет основания». Плевако рассуждал о том, что силы человека не безграничны и иногда он не в состоянии справиться с трудностями, которые возникают в его жизни. И только после этого он перешел к личности Лукашевича. Начав с самого детства, он рассказывал о трудностях, которые ему пришлось пережить. О том, что он был лишен родительской ласки, учился вдалеке от родного дома, оказался на войне, а вернувшись, вместо матери встретил мачеху. Все разлады в отношениях с отцом Лукашевича она переносила на пасынка, возмущалась, что он «способный работать, живет у них в доме, ест их хлеб». Да и отец подсудимого в разговорах с сыном выставлял новую жену не в лучшем свете. И даже заподозрил в ее любовной связи со вторым сыном, родным братом обвиняемого.



Фрагмент речи Плевако:

«Фанни Владимировна, которая как-то особенно умела вызывать к себе ненависть людей, окружавших ее, нисколько не думала о примирении с пасынком. Напротив, она систематически, искусственно старалась волновать его и для этого придумала еще новый способ – судебный процесс. Она заявляет мировому судье, что пасынок оскорбил ее, ссылаясь на массу свидетелей».

На все это накладывается новость о смерти брата. Не только родственники, но и люди, которые знали семью, были уверены, что в его смерти виновата Фанни Лукашевич. Для подсудимого, по словам Плевако, было одно утешение – это имение отца, откуда мачеха съехала. При этом сказала мужу выплачивать ей определенную сумму на содержание. Адвокат объяснил, что в роковой день мачеха решила вернуться в имение, именно тогда, «когда возмущение в доме достигло самых крайних пределов».

В итоге Лукашевича признали виновным в убийстве, совершенном в припадке умоисступления. Присяжные вынесли оправдательный вердикт.

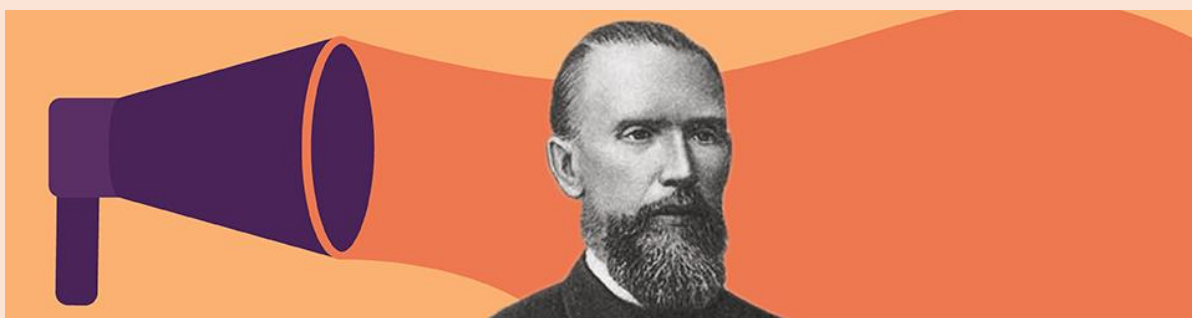
Речь Петра Александрова по делу Засулич

Революционерку и социалистку Веру Засулич обвинили в покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова. 24 января 1878 года она пришла к Трепову на личный прием под видом заявительницы и выстрелила в него из пистолета. Преступление квалифицировали как умышленное, с заранее обдуманым намерением. По версии Засулич, ее возмутили незаконные действия генерала Трепова, приказавшего высечь розгами политического подследственного Алексея Боголюбова, который содержался в доме предварительного заключения. Дело рассмотрел Петербургский окружной суд с участием присяжных заседателей 31 марта 1878 года. Защитником Засулич был адвокат Петр Александров. Александров говорил своим коллегам: «Передайте мне защиту Веры Засулич, я сделаю все возможное и невозможное для ее оправдания, я почти уверен в успехе».

«Передайте мне защиту Веры Засулич, я сделаю все возможное и невозможное для ее оправдания, я почти уверен в успехе».

В своем судебном выступлении адвокат провел связь между поркой Боголюбова 13 июля и выстрелами в Трепова 24 января. Он объяснил, что у подсудимой не было какого-то личного мотива, с градоначальником она была не знакома до покушения. И сразу она не собиралась совершать это преступление. Юрист рассказал о жизни и судьбе Засулич. В 17 лет она познакомилась со студентом Сергеем Нечаевым (как оказалось, государственным преступником). По его просьбе Засулич несколько раз передавала письма, ничего не зная об их содержании, а после получила обвинение в государственном преступлении и провела 2 года в заключении.

Засулич узнала о том, что случилось с Боголюбовым. Она ждала справедливости, что кто-то вступится за беспомощного каторжанина. Ее волновал и другой вопрос: кто вступится за судьбу других несчастных?



Фрагмент речи Александрова:

«Засулич создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию – беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден влачить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. «Когда я совершу преступление, – думала Засулич, – тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет. Мое преступление вызовет гласный процесс».

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, – женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее жизни... Она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной, и остается только пожелать, чтобы не повторились причины, производящие подобные преступления», – сказал Александров.

Засулич отказалась от последнего слова. Прения были объявлены оконченными. За преступление ей грозила тюрьма, но присяжные в итоге признали ее невиновной.

Как только прозвучал вердикт, в зале началось столпотворение. Все аплодировали и кричали: «Браво!». А речь Александрова потом опубликовали во многих российских газетах и перевели на иностранные языки.

Речь Сергея Андреевского по делу Богачева

10 апреля 1892 года во дворе дома № 8 по Владимирской улице Петербурга студент А. Богачев нанес своей жене пять ударов ножом. Раны оказались легкими, злоумышленника задержали на месте преступления. Богачев признал себя виновным в покушении на убийство жены, но затем передумал: сказал, что нанес ранения жене в состоянии запальчивости и чрезмерной раздражительности. Защищавший Богачева адвокат Сергей Андреевский просил снисхождения для своего доверителя и уверял, что у тот не было умысла на совершение преступления.

В своих речах Андреевский всегда ставил на первый план личность подсудимого, его жизнь и условия, в которых он совершил преступление. Андреевский считал, что уголовные адвокаты должны учиться раскрывать человеческую душу, как это делают в художественной литературе. Кстати, до того, как стать адвокатом, Андреевский работал прокурором и ему даже предлагали выступать по делу Засулич с обвинением, потому что тот зарекомендовал себя как первоклассный судебный оратор. Но Андреевский отказался.

В своей речи по делу Богачева адвокат рассказал о тяжелой судьбе подзащитного. В детстве тот потерял родителей, всю жизнь жил небогато. К 20-ти ему удалось устроиться секретарем в газету «Новое время» и получать стабильный и хороший доход. Он решил жениться по любви, уверял адвокат. Но, по мнению Андреевского, у невесты были другие взгляды. Луиза Глеб-Кошанская не любила Богачева. Она была замечена в связи с другим и брак ей нужен был для того, чтобы считаться в обществе порядочной женщиной. Другая причина – деньги и связи супруга. Избранница Богачева с помощью своего супруга хотела добиться мечты стать актрисой. Проблемы в их семье начались сразу после свадьбы: сначала теща с еще одной дочерью поселилась у новобрачных, потом жена тайно поступила в драматическую школу и стала бесконечно тратить деньги мужа. Все скандалы заканчивались тем, что влюбленный Богачев уступал. Ему даже пришлось поругаться с редактором из-за критического отзыва, который «Новое время» опубликовало про его супруга. А после, забеременев, жена попыталась избавиться от ребенка. В итоге Богачев потерял работу, влез в долги, а супруга с матерью и сестрой съехали из квартиры, за которую он уже не мог платить. Адвокат уверял, что пережив это, его подзащитный уже не мог отвечать супруге «вечной любезностью и ангельской добротой».



Фрагмент речи Андреевского:

«Разобрав это дело, мы можем поверить подсудимому, что он действовал в состоянии мгновенного потемнения рассудка, что ужасных слов – «надо убить ее» он себе не говорил... Это была какая-то бессмысленная кровавая потасовка после долгих подвигов удивительного терпения, великодушия и рабства, – одна из тех бессмысленных сцен, которые возможны только после напряженных семейных несогласий, поддерживаемых опытной интриганкой».

Андреевскому удалось добиться снисхождения для доверителя и доказать, что преступление не было умышленным, Богачева признали виновным в покушении на убийство жены в запальчивости и раздражении и приговорили к ссылке в Томскую губернию.

У Андреевского есть и другие известные судебные монологи. Стенографы приходили практически на все его дела, чтобы потом публиковать выступления в газетах. В 1891 Андреевский выпустил сборник своих судебных речей, а после этого молодые адвокаты начали цитировать части из его монологов в своих заседаниях.

Речь Владимира Спасовича по делу Кроненберга

Банкира и дворянина Станислава Кроненберга обвинили в том, что он подвергал свою семилетнюю дочь Марию истязаниям. В июле 1875 года отец поймал девочку за кражей чернослива и жестоко наказал ее – 15 минут в полную силу порол прутьями. Крики девочки привлекли внимание дворника и бывшей горничной, которые обратились в полицию. В «Истории русской адвокатуры» это дело называют чрезвычайно важным, в том числе и потому, что столкнулись разные подходы к семейной педагогике. Консерваторы боялись, что после процесса государство начнет вмешиваться в дела семьи, либералы надеялись, что дело как-то поможет исправить жестокость некоторых родителей. Михаил Салтыков-Щедрин посвятил процессу Кроненберга статью «Отрезанный ломоть». Он в том числе описывал происходящее на заседании и слова защитника.

После рассказа о жизни и семейных отношениях подсудимого адвокат Владимир Спасович перешел к главному вопросу: имеют ли право родители

наказывать своих детей? Он говорил, что из всего следствия ясно, что прутьями отец наказал свою только лишь однажды. А врачи, которые выступали на процессе, говорили, что «повреждения не имели особенного влияния на здоровье ребенка». Поэтому защитник наводил присяжных заседателей на мысль, что родители могут наказывать детей способами, которые не вредят их здоровью. Что его доверитель имел право воспитывать и наказывать свою дочь, если был недоволен ее поведением.



Фрагмент речи Спасовича:

«Говорят: «За что же? Разве можно так строго взыскивать за несколько штук чернослива, сахара?» – Я полагаю, что от чернослива до сахара, от сахара до денег, от денег до банковских билетов путь прямой, открытая дорога».

В итоге коллегия присяжных заседателей оправдала Кроненберга. Общество широко обсуждала это решение. Шли споры о законности оправдания отца, который избил дочь, и об институте адвокатуры, которая защитила виновного.

Для Спасовича это было дело по назначению, после которого он получил много критики. Не исключено, что он мог как-то от него отказаться, но не стал. Салтыков-Щедрин был очень недоволен адвокатом: «Всего естественнее было бы обратиться к господину Спасовичу с вопросом: если вы не одобряете ни пощечин ни розог, то зачем же ввязываться в такое дело, которое сплошь состоит из пощечин и розог?» Федор Достоевский одобрил оправдание Кроненберга, ведь это помогло сохранить семью, но порицал Спасовича за то, что он перечеркнул чувство сострадания к ребенку своими заявлениями: «Девочка, ребенок; ее мучили, истязали, и судьи хотят ее защищать, – и вот какое бы, уж, кажется, святое дело!».

Речь Михаила Барщевского в Конституционном суде

В октябре 2019-го Конституционный суд рассмотрел жалобы трех москвичек, пострадавших от репрессий. Женщины не могли много лет получить гарантированную законом компенсацию – бесплатные квартиры взамен тех, что у них отняли. Самыми эмоциональными и яркими были, разумеется, речи заявителей. Но внимания заслуживает и монолог представителя

Правительства России в КС Михаила Барщевского. Он взял слово после представителя правительства Москвы, который выразил мнение, что постановление «детей ГУЛАГа» в общую очередь – это справедливое решение. Барщевский начал выступление с извинений, обращенных к заявителям, «от имени части, по крайней мере, москвичей за то, что услышали». Потом он рассказал историю своей семьи: дед был расстрелян, бабушка чудом осталась в живых, но была выслана, а отцу удалось вернуться в Москву лишь в середине 1950-х.



Фрагмент речи Барщевского:

«Власть, государственная власть, сломала жизни. А сегодня кто-то находит юридические крючки, чтобы сказать: «Мы ни за что не отвечаем, мы здесь ни при чем». Мы с вами – вы, мои коллеги, и я – мы власть сегодняшняя. И если мы не отвечаем за действия власти предшествующей, то подумайте о том, что будет с нашими потомками».

В итоге КС обязал законодателей обеспечить жертв репрессий правом на жилье. Он признал противоречащими Конституции положения региональных законов и закона Москвы, которые не признают за детьми репрессированных право на улучшение жилищных условий.

Речь Генри Резника по делу Лебедева

Одну из знаковых в современное время судебных речей произнес адвокат Генри Резник в защиту коллеги Александра Лебедева. В середине декабря 2017 года Лебедева обвинили в том, что он предъявил суду в качестве доказательства заведомо подложную справку (она подтверждала, что его подзащитная не нарушала условия домашнего ареста). Следствие привело показания врача-педиатра, которая выписала эту справку. По ее словам, доверительница Лебедева попросила выдать документ «задним числом». Следствие решило, что адвокат обязан был знать об этом, а значит, он предъявил суду заведомо подложный документ.

Лебедев же свою вину не признал. Он заявил, что был уверен в подлинности бумаги. В отношении адвоката сначала возбудили уголовное дело по ч. 3 ст. 303 УК – фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком

преступлении, а затем переквалифицировали на вмешательство в деятельность суда (ст. 294). Из-за истечения срока давности дело могли прекратить. Обвинение просило оштрафовать его на 200 000 руб. и освободить от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности.

Но Лебедев ходатайствовал о том, чтобы дело продолжали слушать. Его защита настаивала на полном оправдании. В суде Резник заявил, что адвокатская деятельность основана на доверии – при получении документов от доверителя адвокат считает их подлинными и не проверяет достоверность. Резник добавил, что защитник не должен превращаться в судью для своего доверителя и сомневаться в доказательствах, которые представил подзащитный. Поэтому у представителя нет другого выбора, кроме как просить приобщить в процесс документ, который просит приобщить заявитель.

Поддержать Лебедева пришли около 40 юристов и адвокатов, потому что профессиональное сообщество считает это дело «посягательством на природу профессии». Если Лебедева признают виновным, то и любое действие адвокатов в процессе можно будет истолковать как «воспрепятствование правосудию», предупредил Резник.



Фрагмент речи Резника:

«Федеральная палата адвокатов воспринимает это несостоятельное уголовное преследование как атаку недругов адвокатуры на ее базовые основы. Убежден, эта атака на наш правозаступный институт захлебнется. Но хотелось бы пресечь ее здесь, в первой инстанции районного суда, наиболее приближенного к защите прав и свобод простых граждан – наших доверителей. Адвокат Лебедев, честно и добросовестно выполнявший свой профессиональный долг, подлежит оправданию. Такие одиозные дела не должны появляться на судебных столах».

В итоге в 2019 году Тверской районный суд оправдал адвоката Лебедева. Сам адвокат рассказал, что суд не увидел в его действиях воспрепятствования правосудию. Суд не принял во внимание и факт приобщения к делу подложной справки, потому что этот документ представила доверительница.

При создании подборки использовались материалы:

И.Я. Козаченко. Истина и закон. Судебные речи известных российских и зарубежных адвокатов. Книга 2.

Ф.Н. Плевако. Избранные речи.

В.И. Смолярчук. Процесс Веры Засулич.

Е.М. Ворожейкин. Судебные речи известных русских юристов.

И.В.Гессен. История русской адвокатуры.

По материалам сайта pravo.ru